

Лидия Бирюкова

ТОТ, КТО НЕ СТАЛ МЕЧОМ

Лидия Бирюкова

ТОТ, КТО НЕ СТАЛ МЕЧОМ

«Автор»

2026

Бирюкова Л.

ТОТ, КТО НЕ СТАЛ МЕЧОМ / Л. Бирюкова — «Автор», 2026

Мир Гримхейма сожжён войной. Имена умерших вырезают на камнях, чтобы Тишина не забрала их навсегда. Но король Хаген разбил свою плиту и стал голосом, который вселяется в живых и медленно убивает их. Шестнадцатилетний Арен идёт по пеплу вместе с отцом, в котором звучит эхо Хагена. Чтобы освободить его, Арен должен собрать три части плиты и вернуть имя короля земле. Но для этого ему придётся встретиться стеной Хагена и не поддаться ей. «Тот, кто не стал мечом» — история о том, что настоящая сила не в клинке, а в правде, которую ты говоришь даже тогда, когда легче промолчать.

© Бирюкова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Часть первая. Пепел и голос Пролог	7
Глава 1. «Там, где была рожь»	8
Глава 2. «Костёр в темноте»	11
Глава 3. «Рёв и тишина»	15
Глава 4. «Утро перед дорогой»	18
Глава 5. «Пепельный волк»	21
Глава 6. «Серебряная рыба»	24
Глава 7. «Мост Костей»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

ТОТ, КТО НЕ СТАЛ МЕЧОМ

Глава

«Тот, кто не стал мечом»
Тёмное героическое фэнтези

Лидия Бирюкова
2026 г.

Содержание

Часть первая. Пепел и голос

Пролог

Глава 1. «Там, где была рожь»

Глава 2. «Костёр в темноте»

Глава 3. «Рёв и тишина»

Глава 4. «Утро перед дорогой»

Глава 5. «Пепельный волк»

Глава 6. «Серебряная рыба»

Глава 7. «Мост Костей»

Глава 8. «За мостом»

Глава 9. «Голос издалека»

Глава 10. «Пепел и надежда»

Часть вторая. Крепость и клятва

Глава 11. «Стены старой крепости»

Глава 12. «Плита и книга»

Глава 13. «Кузница Железа»

Глава 14. «Тени в горах»

Глава 15. «Зубья и туман»

Глава 16. «Первая тень»

Глава 17. «Безмолвные»

Глава 18. «След матери»

Глава 19. «Алтарь Железа»

Глава 20. «Возвращение в крепость»

Часть третья. Горы и Тишина

Глава 21. «Голос отца»

Глава 22. «Обряд Тишины»

Глава 23. «Путь к Храму»

Глава 24. «Дорога к Храму»

Глава 25. «Храм Предков»

Глава 26. «Тень Хагена»

Глава 27. «Потеря»

Глава 28. «Сбор плиты»

Глава 29. «Имя на камне»

Глава 30. «Ритуал возврата»

Часть четвёртая. Имя и возвращение

- Глава 31. «Голос Хагена»
- Глава 32. «Битва с эхом»
- Глава 33. «Выбор Арена»
- Глава 34. «Освобождение»
- Глава 35. «Прощание с отцом»
- Глава 36. «Последний след»
- Глава 37. «Трава и пепел»
- Глава 38. «Пепел и надежда»
- Глава 39. «Дорога домой»
- Глава 40. «Возвращение»
- Эпилог. «Пламя и Тишина»

Часть первая. Пепел и голос Пролог

Говорят, в начале была Тишина.

Но это неправда. В начале был крик.

Король Хаген стоял на коленях в Храме Предков, и его плита лежала перед ним — серая, холодная, с вырезанным именем, которое он сам выбрал при рождении. Рядом стояли Хранители с каменными лицами. Они ждали. Они всегда ждали, когда правитель умрёт, чтобы вырезать его имя в камне и забыть.

Хаген смотрел на плиту и знал: через сто лет его имя сотрут. Через двести — никто не вспомнит, как он выглядел. Через триста — даже камень рассыплется в пыль.

Он думал о том, как устроен мир. О том, как из Тишины родилось Пламя, как оно принесло свет и жизнь, как из их столкновения родилось Железо — воля, выбор, сила. Железо было твёрже камня, острее льда и холоднее самой зимы. Тот, кто владел им, мог решать — кому жить, а кому уйти в Тишину.

Хаген владел Железом. Он выиграл больше битв, чем любой король до него. Но Железо не спасало от Тишины. Оно только отсрочивало её.

Он думал о том, как устроен Гримхейм — не шар и не диск, а расколотое яйцо, скорлупа которого держится на внутренней плёнке. Он знал, что в центре мира лежит Камень-Ядро. Если он треснет, мир развалится на осколки. А за краями, за Туманной стеной, кончается всё. Там — только Тишина.

Всё, что он построил, всё, что он завоевал, всё, что он любил — всё это однажды обратится в Тишину. Его имя сотрут, его голос замолкнет, и от него не останется даже эха.

— Я не стану памятью, — сказал он. Голос его был тихим, но в тишине Храма он прозвучал как удар.

Он поднял свой меч — тот самый, который поднимал в битвах, когда люди кричали его имя с ужасом и надеждой. Он занёс его над плитой. Хранители замерли. Один из них шагнул вперёд, но Хаген уже ударил.

Клинок расколол камень на три части. Осколки разлетелись по каменному полу, и в тот же миг по Храму пробежала дрожь. Свечи погасли. Тишина стала густой, как вода.

Хаген встал. Он чувствовал, как что-то покидает его тело — не душа, не жизнь, а что-то другое. Его голос. Тот самый голос, которым он командовал армиями, шептал на ухо врагам, кричал приказы. Голос отделился от него, как тень, и остался висеть в воздухе.

— Если я не останусь в камне, — сказал Хаген, и его собственный голос теперь звучал отовсюду, — я останусь в голосах.

Он вышел из Храма, и с тех пор никто не видел его живым. Говорят, он ушёл в горы и растворился в Тишине.

Но голос остался.

Он живёт в тех, кто когда-то выполнял его приказы. Он шепчет, кричит, приказывает. Он вползает в разум, как дым, заставляя видеть лица убитых и чувствовать их боль. Тот, кто носит в себе эхо Хагена, никогда не спит спокойно.

Говорят, что тот, кто вернёт имя Хагена земле — сложит три разбитые части плиты и вернёт их камню, — сможет закрыть этот голос навсегда. Но никто не знает, где лежат эти части. И никто не знает, как звучит его имя.

Эта история — о том, как один молодой воин решил это узнать.

Он не знал, что станет тем, кто не стал мечом.

Глава 1. «Там, где была рожь»

Пепел был везде.

Он скрипел под подошвами — сухой, мелкий, проникающий в каждую трещину сапог. Он оседал на плащах, смешивался с потом на шее, и когда Арен дышал, он чувствовал его на зубах — горький, как старая зола. Он шёл уже второй день, и ему казалось, что этот вкус останется с ним навсегда. Иногда он сплёвывал, но пепел уже въелся в кожу, в одежду, в самую память.

Он нёс меч на плече — лезвием вниз, как учил отец. Он запомнил это правило, как запоминал всё, что говорил отец, потому что в этом мире забытая фраза могла стоить жизни. Но сейчас он нёс меч не потому, что боялся зацепить плащ. Он нёс его так, потому что отец однажды сказал это — и это было последнее, что он сказал обычным голосом. До того, как голос стал чужим.

Арен шёл за отцом и смотрел на его спину.

Бьорн двигался тяжело, будто нёс на плечах невидимый груз. Его шаги были глухими, и каждый раз, когда он ставил ногу, Арен слышал, как он выдыхает — не от усталости, а от напряжения. Он не оборачивался. Он просто шёл, и его рука сжимала рукоять меча так, будто он боялся, что тот исчезнет.

— Отец, — сказал Арен, когда они остановились на краю поля, чтобы перевести дыхание.

Бьорн не ответил. Он стоял, глядя на горизонт, где серая земля сливалась с серым небом. Его рука, сжимающая меч, дрожала.

— Ты слышишь его сейчас? — спросил Арен. Голос его был тихим, но в тишине он прозвучал громко.

Бьорн медленно повернулся. Его глаза были уставшими — не просто от дороги, а от чего-то более глубокого. Арен видел эту усталость каждый день, но сейчас она была другой. Она была живой.

— Он молчит, — сказал Бьорн. — Он ждёт.

— Чего?

Бьорн посмотрел на него, и в его глазах мелькнуло что-то, чего Арен не мог прочитать. Страх? Сожаление? Или что-то ещё, что он не хотел показывать.

— Я не знаю, — сказал он. — Боюсь, что знаю.

Он отвернулся и пошёл дальше. Арен задержался на мгновение, глядя ему в спину, и в груди у него что-то сжалось. Не от холода. От чего-то более тягучего, что он не мог назвать.

Они вышли к полю. И Арен остановился.

Он помнил это место. Три года назад здесь стояла рожь — высокая, золотая, она шумела на ветру и пахла хлебом и мёдом. Он бегал по межам босиком, а отец кричал из-за плетня: «Не топчи урожай! Пламя не простит!»

Теперь здесь не было ничего. Только пепел и серая земля, которая тянулась до самого горизонта.

Арен опустился на колени. Он провёл рукой по земле, чувствуя, как пепел прилипает к пальцам, как он скрипит под ногтями. Он знал, что должен был чувствовать горечь или злость. Но он чувствовал только пустоту. Ту же пустоту, что была в глазах отца.

— Я помню это место, — сказал он, не оборачиваясь.

— Мы все его помним, — ответил Бьорн.

— Почему мы не ушли раньше?

Бьорн молчал долго. Арен слышал его дыхание за своей спиной — тяжёлое, прерывистое, будто он собирался с силами.

— Потому что я думал, что смогу защитить его, — сказал Бьорн наконец. — Я ошибся.

Арен поднялся и повернулся к нему. Он хотел спросить, о чём он говорит — о деревне или о чём-то другом. Но он посмотрел в глаза отца и понял, что тот говорит не о деревне. Он говорит о себе. О том, кого он не смог защитить.

Они двинулись дальше, и Арен чувствовал, как тишина смыкается вокруг них. Он смотрел на отца, на его согбенную спину, на его дрожащую руку, и внутри него росло что-то, чего он не мог объяснить. Не страх. Не надежду. А что-то более глубокое — желание понять, что происходит с отцом, и страх перед тем, что он может узнать.

К вечеру они вышли к поляне. Солнце садилось, и небо стало багровым, как старая рана. В центре поляны стоял воин — неподвижный, ржавый, с мечом в руке.

Арен замер. Холод пробежал по его спине, но он не отступил. Он сделал шаг вперёд, и отец за его спиной выдохнул — не вздох, а сдавленный стон.

— Не подходи, — прошептал Бьорн.

Но Арен уже шагнул. Он не знал, зачем. Это было глупое любопытство, которое мать называла «бесовским толчком». Ему было шестнадцать, и он ещё не научился бояться того, что не дышит.

Воин ожил. Беззвучно. Без рыка. Без скрежета — просто перенёс вес на другую ногу и занёс меч.

Удар пришёлся на отца.

Бьорн парировал, но двигался медленно, будто его руки налились свинцом. Он не контратаковал, он просто отмахивался, словно не мог заставить себя поднять клинок на того, кого когда-то знал.

— Отец! — крикнул Арен, бросаясь вперёд.

Но Бьорн не слышал. Он отступал, уклонялся, но не поднимал меч.

И тогда Арен услышал голос.

Не снаружи. Внутри головы. Тихий, уставший, будто говоривший повторял эти слова сотый раз и уже не надеялся, что его услышат:

«Твой отец помнит мой крик. Он убил меня по приказу короля Хагена. Я был щитом. Я отказался стать мечом. А он... он выбрал семью. Выбрал тебя, хотя тебя ещё не было».

Арен пошатнулся. Он не знал, говорит ли это воин — или он сам сходит с ума. Но он видел, как отец дрожит, как его меч дрожит в руке, как он не может ударить.

И он понял, что должен сделать то, чего не может сделать отец. Он должен поднять меч не для того, чтобы убить. А для того, чтобы защитить.

Он шагнул между отцом и воином. Подставил плечо и принял удар на себя.

Боль пронзила его, горячая и острая, но он не отступил. Он поднял свой меч и ударил — не в броню, а в сочленение между шлемом и наплечником.

Клинок застрял. Арен дёрнул его, чувствуя, как ржавый металл скрежещет о кости.

— Ты не должен был умирать! — крикнул он. — Ты был прав! А король ошибся!

Наступила тишина.

Воин замер. Его шлем приподнялся, будто он смотрел на парня, стоящего на коленях в пепле. Секунда. Другая. Потом он медленно опустил меч и развернулся.

Не рассыпаясь в прах — он просто пошёл прочь. В туман. Между обгоревших стволов. Его шаги становились всё тише, и вскоре он исчез, оставив после себя только запах мокрой земли.

Арен рухнул на колени, прижимая руку к раненому плечу. Кровь сочилась сквозь пальцы, тёплая и липкая. Он смотрел, как воин уходит в туман, и не верил, что это кончилось.

Отец опустился рядом. Его руки дрожали. Он разорвал свой плащ и перемотал рану Арена. Молча, без слов. Но когда он закончил, он поднял глаза и посмотрел на сына.

В его взгляде не было усталости. Было что-то другое — что-то, что Арен не видел много месяцев. Надежда.

— Я нарушил клятву Железа, — сказал Бьорн, и голос его дрожал, но он не опустил глаз.
— Я убил своего друга. Я позволил эху войти в меня. Я думал, что уже не смогу бороться.

Он положил руку на плечо сына.

— Но ты сделал то, чего я не мог. Ты не убил его. Ты сказал ему правду.

Арен смотрел на отца. Он чувствовал, как кровь стекает по руке, как пепел смешивается с потом. Но он не чувствовал боли.

— Я найду его имя, — сказал он тихо. — Я верну его земле.

Бьорн не ответил. Он просто кивнул.

Арен поднялся. Он подобрал меч и на миг задержался, глядя туда, где исчез древний воин. А потом он заметил что-то в пепле — блеск.

Он наклонился и поднял обломок камня. Серого, шершавого, с вырезанным знаком на древнем языке. Всего одна буква.

Камень был тёплым, будто кто-то держал его в руке до него. Арэн провёл пальцем по его поверхности и почувствовал слабую вибрацию — будто камень был живым. Потом всё стихло.

Он сунул камень за пазуху и догнал отца.

Они шли молча. Ветер нёс пепел. Но теперь внутри Арена было не только отчаяние. Было что-то ещё — начало.

Глава 2. «Костёр в темноте»

Они брели в темноте, спотыкаясь о камни. Ночь была холодной, сырой, и ветер дул с такой силой, что Арену казалось — он сбивает дыхание. Он шёл за отцом, стараясь не отставать, но ноги уже гудели, и каждый шаг давался с усилием. Сапоги натирали кожу, и он чувствовал, как на пятках вздуваются волдыри, как они лопаются и снова наливаются влагой. Плащ намок от сырости, прилип к плечам, и каждый порыв ветра вырывал из него остатки тепла. Пепел смешивался с грязью и прилипал к лицу, к шее, к губам — горький, липкий, как старая зола, которая уже не смывается.

Он не жаловался. Он знал, что жалобы бесполезны.

Бьорн шёл впереди. Он не оборачивался, не говорил ни слова, но Арен видел его спину — напряжённую, сведённую, будто он нёс на плечах невидимый груз, который с каждым шагом становился тяжелее. Он шёл ровно, но в его походке было что-то новое — неуверенность, которой раньше не было. Арен помнил, как отец ходил раньше: твёрдо, широко, будто земля сама расступалась перед ним. Теперь он шёл осторожно, будто боялся, что земля под ним треснет.

Арен смотрел на него и думал о том, что потерял отец. Не просто голос — себя.

— Там, — сказал Бьорн, остановившись.

Арен подошёл ближе, и только тогда разглядел узкую расщелину в скале, почти скрытую нависшими камнями. Она была такой узкой, что её можно было принять за трещину, за тень, за обман зрения. Если бы не отец, он прошёл бы мимо. Он никогда не замечал таких вещей, но отец всегда видел.

— Там люди, — сказал Бьорн, прислушиваясь. В его голосе не было надежды — только констатация. — Живые.

Арен положил руку на меч, чувствуя, как пальцы сжимают рукоять. Отец жестом велел ждать — коротким, резким, словно он ещё помнил, как командовать. Он шагнул вперёд, бесшумно, как тень, и исчез в темноте на несколько долгих, холодных минут. Арен стоял, прислушиваясь к ветру, к шороху камней, к биению собственного сердца. Когда отец вернулся, его лицо было бледным, но он кивнул.

— Беженцы. Восемь, может, девять. Раненые есть. Идём.

Арен шагнул за ним в расщелину, и мир сузился до тёмного, влажного прохода. Стены смыкались, дышать становилось тяжелее, воздух пах сырым камнем и чем-то ещё — прелым, землистым, как дыхание старого погребя.

Внутри пещера оказалась глубже, чем казалась снаружи. Сырые стены пахли мхом и камнем, но сквозь этот запах пробивался дым, человеческий пот и что-то тёплое, почти домашнее. В центре горел небольшой костёр, и свет его падал на лица людей, сидевших вокруг. Арен остановился у входа и всмотрелся в них.

Он сразу увидел старуху. Она сидела на камне, прижимая к себе ребёнка — мальчика лет пяти, с грязным лицом и огромными глазами, которые смотрели в огонь, но ничего не видели. На шее у неё висел камень с вырезанным символом — закрытая ладонь. Символ Тишины. Арен не знал, что это значит, но его взгляд задержался на нём дольше, чем следовало.

Рядом с ними лежал раненый воин — молодой, но уже с сединой в волосах, с перевязанной ногой. Он держал меч на коленях, привычно, будто не мог расстаться с ним даже в укрытии. Когда Арен вошёл, он приподнял голову и посмотрел на него с настороженностью, но без враждебности.

Кроме них, в пещере было ещё несколько человек: две женщины, старик с клюкой, двое мужчин с обожжёнными руками. Один из них — широкоплечий, с мозолистыми ладонями — сидел у стены и шевелил пальцами, будто привык держать молот. Арен заметил, как он смотрит на свои руки, и подумал, что этот человек потерял больше, чем просто кожу.

Когда Арен вошёл, все подняли головы. Кто-то прошептал: «Это же тот самый... с южного рубежа». Арен не знал, что это значит, но он почувствовал, как взгляды стали тяжелее, как люди ждали чего-то от отца.

Бьорн остановился у костра. Свет падал на его лицо, и Арен заметил, как отец на мгновение прикрыл глаза, будто собирался с силами. Он не знал, что он чувствовал — усталость, боль или что-то ещё. Он просто стоял, и его рука, сжимающая меч, дрожала.

— Я — Бьорн, — сказал он коротко, не глядя ни на кого. — Мы идём с юга. У нас нет еды, но есть мечи.

Никто не ответил. Тишина повисла в воздухе, и Арен почувствовал, как она становится гуще, как её тяжесть ложится на плечи. Потом старуха подняла голову. Её светлые глаза прошли по лицу Бьорна, потом по Арену, задержались на медной цепочке у него на запястье. Она ничего не сказала, но Арен почувствовал, что она видит больше, чем говорит.

— Садись, — сказала она наконец. Голос был сухим, как старая кора, но в нём слышалась усталость, которую не спрячешь. — Ты не первый, кто пришёл с пустыми руками. Мы поделимся тем, что есть. Воды мало, но она есть.

Она протянула Арену плоскую деревянную миску с мутной водой. Он взял её, и когда их пальцы почти соприкоснулись, он заметил, как её руки дрожат. Едва заметно. Будто она несла что-то тяжёлое и давно устала его держать.

Он сел у костра, чувствуя, как от тепла начинает ныть рана на плече. Вода была тёплой и пахла дымом, но он пил, не останавливаясь, и только когда миска опустела, он поднял голову и посмотрел на старуху.

— Меня зовут Сигга, — сказала она, помешивая угли палкой. Она не смотрела на него — она смотрела на огонь. — Раньше я резала имена на камнях. Теперь я просто сижу у костра и смотрю, как мир сгорает.

Она кивнула на мальчика у своих коленей:

— Его нашли в пепле. Он сидел среди обгоревших брёвен и смотрел на небо. Не плакал, не звал никого. Просто сидел. Я взяла его за руку, и он пошёл за мной. С тех пор он не сказал ни слова.

Арен посмотрел на мальчика. Тот сидел неподвижно, глядя на огонь, и его глаза были пустыми. Не испуганными — просто пустыми. Как у человека, который перестал ждать.

— Его родители? — спросил Арен, хотя уже знал ответ.

Сигга повернулась к нему. В её глазах блеснул свет — не от огня, а от слёз, которые она не давала пролиться.

— Я не знаю, живы ли они, — сказала она, и голос её дрогнул, но только на миг. — Я не знаю, жив ли кто-нибудь. Но я знаю одно: пока он молчит, я буду говорить за него. Потому что если я замолчу, мы оба исчезнем.

Она отвернулась и снова начала помешивать угли. Её рука дрожала. Но она не остановилась.

— Ты из тех, кто носит медь, — сказала она, не поднимая глаз. — Я знаю эту работу. Её делают в Железных Зубьях.

Арен посмотрел на свою руку, на медную цепочку, которая висела на запястье. Он не знал, откуда она знает это, но он чувствовал, как её слова касаются чего-то внутри него.

— Вы знаете мою мать? — спросил он. — Эйру?

Сигга подняла голову. Её глаза встретились с его глазами, и в них мелькнуло что-то, чего он не мог прочитать. Не удивление. Боль.

— Я знаю её след, — сказала она. — Она прошла через эти места три года назад. Она искала Безмолвных. Она не вернулась.

Арен почувствовал, как воздух стал холоднее, хотя костёр горел рядом. Он сжал запястье, где висела медная цепочка, и почувствовал, как она нагревается от его пальцев, будто память матери отзывалась на его прикосновение.

— Как вы её узнали? — спросил он, и голос его дрогнул, но он не дал себе замолчать. — Вы видели её?

Сигга помолчала. Она долго смотрела на огонь, и Арен ждал, чувствуя, как каждая секунда растягивается в вечность.

— Она пришла ко мне в Храм, — сказала она наконец. — Она стояла на коленях перед алтарём и плакала. Я спросила её, что случилось. Она сказала, что голос Хагена вошёл в её мужа и что она не знает, как его остановить. Она искала способ. Она искала Безмолвных, потому что слышала, что они знают, как лечить память.

Сигга замолчала, и Арен увидел, как её пальцы сжали палку, которой она помешивала угли.

— Я сказала ей, что Безмолвные не лечат. Они забирают. Они забирают имена, чтобы люди могли забыть. Она сказала: «Тогда я отдам своё имя». Я пыталась отговорить её. Я сказала, что без имени она станет никем. Она ответила: «Если я стану никем, а он станет собой — я согласна».

Сигга подняла глаза на Арена.

— Она ушла в горы и не вернулась. Но перед уходом она сняла свой браслет и отдала мне. Она сказала: «Если у меня будет сын, он придёт. Скажи ему, что я люблю его».

Арен смотрел на неё, и слова застревали в горле. Он чувствовал, как внутри него что-то рушится — не надежда, а стена, которую он строил все эти годы. Он думал, что мать ушла, потому что не хотела его. Он думал, что она бросила их. А она отдала своё имя, чтобы спасти отца.

— Она жива? — спросил он, чувствуя, как голос дрожит.

— Не знаю, — сказала Сигга. — Но она оставила след. Если хочешь её найти — тебе нужно идти в горы. Но сначала — выжить здесь.

Она отвернулась. Арен сидел, глядя на огонь, и чувствовал, как её слова впиваются в него, как заноза. «Скажи ему, что я люблю его». Она знала, что он придёт. Она ждала его.

Он сжал медную цепочку на запястье и закрыл глаза.

В углу пещеры Торкель снова попытался сжать кулак. Его пальцы дрогнули и сжались, но не до конца — два пальца остались кривыми, они не слушались. Он смотрел на них с такой ненавистью, будто они предали его.

— Не смотри так, — сказал Эрик, сидевший рядом. Его голос был хриплым, как у человека, который давно не говорил. — Они всё ещё могут держать камень. Или хлеб.

— Я хотел держать молот, — сказал Торкель, не поднимая глаз.

— Молот подождёт, — ответил Эрик. — Я подожду. Ты подождёшь. Все подождут.

Арен смотрел на них. Торкель — широкоплечий, сильный, но с беспомощными руками. Эрик — такой же, но молчаливый, будто он уже смирился. Он потерял всё — дом, ремесло, имя. Но он сидел здесь и ждал. И это было больше, чем мог сделать любой меч.

— Вы были кузнецами? — спросил Арен, подходя к ним.

Торкель поднял голову. Его глаза были уставшими, но в них мелькнула искра — не надежда, а что-то более злое, упрямое.

— Мы были кузнецами, — сказал он. — Ковали серпы, подковы, мечи. Всё, что нужно. Мой отец ковал, и его отец тоже. Мы умели делать вещи, которые служат людям. А теперь...

Он посмотрел на свои руки и усмехнулся — коротко, горько.

— Теперь мы учимся жить заново. Это тяжелее, чем ковать.

Он замолчал, и Арен не стал нарушать тишину. Он стоял, глядя на этих людей, и чувствовал, как внутри него растёт что-то новое — не жалость, а уважение. Они потеряли всё, но они здесь. Они дышат. Они ждут.

В пещере наступила тишина. Костерок трещал. И вдруг снаружи раздался низкий, протяжный рёв. Он нарастал, приближался — и внезапно стих.

Все замерли. Арен почувствовал, как его сердце пропустило удар. Он посмотрел на отца — тот открыл глаза, и в них мелькнула тревога. Сигга прижала Эйнара к себе, и мальчик закрыл уши руками.

— Что это? — прошептал кто-то из женщин. Её голос дрожал, и Арен слышал, как она боится.

— Пауки, — сказал Эрн, не повышая голоса. Он говорил спокойно, но Арен видел, как его рука сжала рукоять меча. — Они ждут у ручья. Они не входят в пещеры, но они плетут ловушки. Если мы останемся здесь до утра, они оплетут все выходы.

Арен взял меч и шагнул к выходу. Он чувствовал, как холодный ветер касается его лица, как сердце бьётся о рёбра. Он не знал, что его ждёт. Но он знал, что не может сидеть здесь и ждать.

За его спиной Бьорн поднялся и, хромая, пошёл следом.

Глава 3. «Рёв и тишина»

Арен вышел из пещеры, и холодный ветер ударил ему в лицо. Ночь была тёмной — не той, где можно различить очертания, а той, где всё сливается в одну серую массу. Луна пряталась за облаками, и только редкие звёзды пробивались сквозь пелену, давая ровно столько света, чтобы видеть собственные руки. Он стоял на краю поляны, вглядываясь в темноту, и чувствовал, как ветер рвёт его плащ, как он проникает под ткань, оставляя на коже холодные дорожки.

Рёв стих, но тишина, которая наступила после него, была хуже любого звука. Она была плотной, как вода, и давила на уши, заставляя слышать биение собственного сердца. Арен стоял и слушал эту тишину, и она казалась ему живой — она дышала, она ждала, она смотрела на него из темноты.

— Ты не должен был идти, — сказал за его спиной голос отца. Хриплый, усталый, но твёрже, чем раньше. Арен не обернулся. Он смотрел вперёд, туда, где, по словам беженцев, ждали пауки.

— Я должен, — сказал он, и голос его прозвучал глухо, будто он говорил не вслух, а про себя. — Если мы останемся здесь до утра, они оплетут все выходы. Мы не сможем уйти.

— Я знаю, — ответил Бьорн. Арен услышал, как он сделал шаг вперёд — хромой, но твёрдый. Он повернулся к отцу, и в темноте увидел его лицо — бледное, напряжённое, с глазами, в которых мелькнул страх. Не перед пауками. Перед тем, что он может не справиться. Что он снова подведёт.

— Ты не должен идти, — сказал Арен, и в голосе его прозвучала просьба, которую он не хотел показывать. — Ты нужен им там.

— Я нужен тебе здесь, — сказал Бьорн, и это было сказано так просто, что Арен не нашёл, что ответить. Он смотрел на отца — на его дрожащую руку, на его глаза, в которых мелькнул страх, смешанный с чем-то ещё. С решимостью. Или с отчаянием. Он не мог разобрать.

— Тогда стой за мной, — сказал он, чувствуя, как голос становится твёрже, чем он чувствовал. — И не отступай.

Бьорн кивнул. Он поднял меч, и его рука перестала дрожать. На мгновение Арену показалось, что он видит того отца, каким он был раньше — сильным, уверенным, готовым защитить. Но это длилось только мгновение. Потом Бьорн опустил глаза, и тень снова легла на его лицо.

Арен отвернулся и шагнул вперёд.

Он пересёк поляну, чувствуя, как пепел скрипит под ногами, как холодный ветер касается лица. Он нёс факел, который взял у входа в пещеру, и свет его вырывал из темноты камни, сухую траву, обгоревшие стволы. Всё было мёртвым. Всё было пустым. И только тишина вокруг становилась всё плотнее.

Он вышел к ручью и остановился.

В свете факела он разглядел их. Три тени. Они не шевелились, но их лапы, сплетённые из человеческих костей, блестели, как старая кость. Они ждали. Пауки не нападали — они просто стояли, и ветер не шевелил их, будто они были частью земли. Их глаза — мутные, белые, без зрачков — смотрели в сторону пещеры, не мигая.

Арен почувствовал, как холод пробежал по спине. Сердце забилося чаще, и он услышал его в ушах — глухой, тяжёлый стук, который заглушал все другие звуки. Он стоял, глядя на них, и внутри него поднималось что-то, чего он не мог контролировать. Страх. Настоящий, животный страх, который сковывал ноги и не давал дышать.

«Я могу развернуться, — подумал он. — Я могу сказать, что их слишком много. Что я не справлюсь. Что я просто мальчишка, который не должен был идти».

Он сжал рукоять меча. Пальцы побелели. Он думал о тех, кто остался в пещере — о старухе, которая держала на руках чужого ребёнка, о кузнецах без рук, о раненом воине, который не мог бежать, о людях, которые смотрели на него и ждали, что он что-то сделает. Он думал об отце, который стоял за его спиной и который не мог больше бежать.

«Если я отступлю, они умрут».

Он не позволил себе думать дальше. Он шагнул вперёд.

Первый паук дёрнулся, когда свет факела коснулся его паутины — серой, почти незаметной в темноте, натянутой между камнями. Паутина вспыхнула с шипением, издавая запах горелых сухожилий, и паук, сидевший на ней, зашипел и бросился на Арена. Арен едва успел отшатнуться. Клинок вошёл в тело паука, но тот был лёгким, костлявым, и меч скользнул по его лапе, не причинив вреда. Паук прыгнул снова, и Арен почувствовал, как его когти впились в плечо — туда, где была свежая рана от меча древнего воина.

Боль пронзила его, горячая и острая, и он выронил факел. Он вскрикнул, но не отступил — он ударил мечом наотмашь, и лезвие рассекло голову паука. Тот дёрнулся и упал, оставив на плече Арена глубокую царапину. Кровь потекла по руке, смешиваясь с пеплом и грязью, и Арен почувствовал её вкус на губах — солёный, горький.

Он поднял факел и сжёг вторую сеть. Пауки зашипели, их лапы заскрежетали по камням, и они бросились на него — двое, одновременно. Он отбивался, но их было слишком много. Один из них занёс лапу над его головой, и в этот момент за его спиной мелькнула тень — отец.

Бьорн шагнул вперёд, и его меч описал дугу, рассёк ближайшего паука. Движение было точным, сильным, быстрым — не таким, как у человека, который едва стоит на ногах. Арен не верил своим глазам. Отец двигался так, будто на мгновение голос Хагена отпустил его. Будто он снова стал тем воином, которого Арен помнил с детства.

— Отец! — крикнул Арен, когда паук занёс лапу над головой Бьорна. — Смотри на меня!

Бьорн вздрогнул, его глаза на миг прояснились, и он откатился в сторону. Он нанёс ответный удар — клинок вошёл в брюхо паука, и тот зашипел, дёрнулся и затих. Арен добил второго. Он стоял, тяжело дыша, и чувствовал, как кровь стекает по его руке, смешиваясь с потом и пеплом. Три паука лежали у его ног. Третий — тот, что был дальше всех, — скрылся в темноте, оставив только тлеющие обрывки паутины. Он просто исчез, будто его никогда и не было.

Арен опустил меч и прижал руку к раненому плечу. Боль пульсировала в такт сердцу, и он чувствовал, как кровь сочится сквозь пальцы. Он стоял, глядя в темноту, и ждал, что пауки вернутся. Но они не возвращались.

— Они ушли, — сказал он, не уверенный, говорит ли он правду.

— Они отступили, — сказал Бьорн, и голос его дрожал, но он стоял прямо, опираясь на меч. — Это не одно и то же. Они ушли, чтобы вернуться.

Арен повернулся к отцу. Тот стоял, тяжело дыша, и его лицо было бледным в свете факела. Но в его глазах мелькнул свет — тот, которого Арен не видел много месяцев. Он не сказал ничего. Он просто стоял и смотрел на сына, и в его взгляде было что-то, чего Арен не мог назвать. Гордость. Или надежда.

— Ты сделал это сам, — сказал Арен, чувствуя, как голос его дрожит. — Я видел. Ты ударил без колебаний.

Бьорн посмотрел на свой меч, потом на сына. Его пальцы всё ещё дрожали, но рукоять он держал крепко.

— На мгновение, — сказал он. — На мгновение я не слышал его. Я был... собой. Только собой.

— Значит, ты ещё можешь бороться, — сказал Арен. — Голос не убил тебя. Он ослабил, но не убил.

Бьорн не ответил. Он просто стоял, глядя в темноту, и его рука сжимала меч так, будто он боялся, что тот исчезнет. Но в его глазах была надежда — слабая, почти неразличимая, но

она была. Арен смотрел на отца и чувствовал, как внутри него разливается что-то тёплое — не уверенность, а что-то более хрупкое. Возможность.

Они вернулись в пещеру. У входа их ждала Сигга. Она посмотрела на Арена, на его рану, и покачала головой.

— Ты опять поранился, — сказала она, но в голосе её не было упрёка — только усталость и забота. Она взяла его за руку и повела к костру. Арен чувствовал, как её пальцы касаются его запястья — сухие, тёплые, уверенные.

Она промыла рану водой из фляги, перевязала чистой тряпкой, и Арен чувствовал, как её руки двигаются медленно и привычно, будто она делала это тысячи раз. Он смотрел на неё, на её сосредоточенное лицо, и чувствовал, как внутри него утихает боль.

— Ты хорошо дрался, — сказал Эрн, когда Арен сел у костра. Голос его был спокойным, но в нём слышалось уважение. — Молодец.

— Я едва не погиб, — сказал Арен, глядя на свои руки. — Я пропустил удар. Я чуть не умер.

— Ты выжил, — сказал Эрн. — Это главное. В бою важно не то, как ты начинаешь, а то, как ты заканчиваешь.

Арен поднял глаза и посмотрел на отца. Бьорн сидел у стены, глядя на огонь, и его лицо было спокойным. Но Арен видел, как его рука, сжимающая меч, всё ещё дрожит. Он хотел сказать ему что-то, но не знал, что. Он просто сидел, чувствуя, как тишина смыкается вокруг них. Но в этой тишине было что-то новое — не пустота, а обещание. Бьорн ударил. Он сам. Значит, он ещё может бороться.

Арен закрыл глаза. Завтра они уйдут. Завтра они пойдут дальше.

Глава 4. «Утро перед дорогой»

Арен проснулся первым.

В пещере было тихо — тихо так, что слышно было, как дышат спящие люди. Костерок почти догорел, и лишь красные угли ещё дышали теплом, оставляя на стенах танцующие тени. Арен лежал на плаще, но не чувствовал отдыха — тело болело, рука пульсировала там, где древний воин пропорол доспех, а плечо горело после когтей паука. Боль стала привычной. Он почти не замечал её, пока не пытался пошевелиться.

Он приподнялся, сел, провёл ладонью по лицу, стирая пепел, который, казалось, въелся в кожу навсегда. Он уже не помнил, каково это — просыпаться без пепла на губах. Казалось, что он родился с этим вкусом.

Вокруг — в темноте — лежали люди. Сигга, прижимавшая к себе спящего Эйнара; Эрн, который даже во сне держал руку на рукояти меча; Торкель и Эрик с обожжёнными руками; женщины и старик, которых он ещё не запомнил по именам. Они выглядели беззащитными. Хрупкими. Арен смотрел на них и чувствовал, как внутри поднимается тяжесть.

«Это теперь я их защищаю», — подумал он.

И ему стало не по себе. Он не знал, как. Он просто брал и делал, что мог, но чувствовал, что этого мало. Он вспомнил, как отец говорил ему: «Защищать — это не значит быть сильнее всех. Это значит быть готовым упасть, но не отступить». Арен сжал кулаки. Ему хотелось верить, что он готов. Но плечо ныло, и он не был уверен.

Он встал, стараясь не шуметь, и подошёл к выходу из пещеры.

Снаружи было серо — ещё не рассвело, но ночь уже отступала, уступая место утру, которое не обещало ничего хорошего. Слабый ветер нёс запах пепла и сырой земли, тот самый запах, который стал ему родным. Арен стоял у входа, вглядываясь в горизонт, и пытался представить, что ждёт их впереди. Он не знал. Но он знал, что должен идти.

— Не спишь?

Голос был тихим. Арен обернулся — в проходе стояла Сигга, кутаясь в свою тёмную шаль. Камень на её шее — закрытая ладонь, символ Тишины — поблёскивал в сумерках, отражая слабый свет. Она выглядела старше, чем обычно, и её глаза были уставшими, но в них была та же твёрдость, что и всегда. Та же, что была у неё, когда она говорила о своём сыне, о камнях, о памяти.

— Не могу, — признался Арен. — Слишком много мыслей.

— Это нормально, — сказала Сигга, подходя ближе и останавливаясь рядом с ним. Она смотрела туда же, куда и он — в серую пустоту. — Когда я была молодой, я тоже не спала перед дорогой. Но ты, — она повернулась к нему и посмотрела в глаза, — ты слишком молод, чтобы не спать из-за мыслей. Иди, отдохни. Я постою.

Арен хотел возразить, но Сигга покачала головой.

— Я прожила долгую жизнь. Я знаю, когда кто-то должен постоять за других. Сегодня это буду я. Иди.

Она не ждала ответа. Просто стояла, глядя в темноту, и Арен чувствовал, что спорить бесполезно. Он кивнул, повернулся и шагнул обратно в пещеру.

Он лёг на свой плащ, закрыл глаза, но сон не приходил. Он слышал, как тихо дышат люди, как потрескивают угли костра, как где-то вдалеке шумит ветер. И вдруг он осознал: он не знает, куда они идут. Он знает только, что они должны идти.

Мысль о том, что он ведёт этих людей, не зная дороги, лежала на нём тяжёлым грузом. Он пытался вспомнить карту, которую видел однажды в деревне, но в памяти всплывали только обрывки — горы, река, мост. Ничего, что могло бы помочь. Он чувствовал себя слепым, который вёл других сквозь туман.

Когда он снова открыл глаза, в пещере уже начали просыпаться. Первым зашевелился Торкель. Он сидел у стены, перематывая свои руки свежими тряпками. Его движения были медленными, осторожными, будто каждое прикосновение причиняло боль. Рядом с ним, на корточках, сидел Эрик — он смотрел на свои обожжённые ладони и молчал. Тишина между ними была плотнее, чем между другими людьми.

— Эрик, — тихо сказал Торкель. — Попробуй сжать кулак. Хотя бы раз.

Эрик попытался. Пальцы дрогнули и сжались, но не до конца — два пальца остались кривыми, они не слушались. Он смотрел на них с такой ненавистью, будто они предали его. Он скривился и покачал головой.

— Я не смогу ковать, — сказал он хрипло. — Но я смогу нести. Если вещи будут лёгкими.

— Мы сделаем их лёгкими, — ответил Торкель. — Мы всё сделаем.

Он посмотрел на свои руки, и в его взгляде мелькнула та же горечь. Но он не опустил головы. Он просто сжал губы и начал затягивать повязку.

Эрн, опираясь на копье, встал и подошёл к костру, разворошил угли. Он посмотрел на Арена и сказал:

— Мы выходим сегодня. Если мы проведём здесь ещё один день, нас найдут.

— А если мы выйдем, нас найдут тем более, — возразил Торкель, не поднимая головы. — Снаружи нет стен.

— Снаружи есть Мост Костей, — ответил Эрн. — Если мы дойдём до него — сможем держать оборону.

Арен слушал их, но его взгляд искал отца.

Бьорн сидел у дальней стены, прислонившись спиной к камню. Его глаза были открыты, но смотрели в никуда — туда, где не было ни камней, ни людей, только пустота, которую носил в себе каждый, кто слышал эхо. Арен подошёл к нему, сел рядом.

— Отец, — сказал он тихо. — Ты слышишь меня?

Бьорн медленно повернул голову. Его взгляд на миг прояснился, и Арен увидел, как он пытается сосредоточиться, как он борется с тем, что внутри него.

— Да, — сказал он. — Я слышу тебя.

— Ты слышишь ещё что-то? — спросил Арен, боясь ответа.

Бьорн помолчал. Его губы шевельнулись, но он не сказал ни слова. Потом он закрыл глаза и выдохнул — долго, тяжело, как человек, который несёт груз, который не может сбросить.

— Он говорит мне, что я не должен был брать тебя с собой, — сказал Бьорн, не открывая глаз. — Что я должен был оставить тебя в деревне. Что я — слабый отец.

Арен сжал кулаки. Медная цепочка нагрелась от пальцев.

— Ты не слабый, — сказал он, чувствуя, как голос становится твёрже, чем он чувствовал. — Ты сильный. Ты просто устал.

— Устал, — повторил Бьорн. — Да. Устал.

Он открыл глаза и посмотрел на сына. В его взгляде было что-то, чего Арен не видел раньше — не надежда, не страх, а что-то среднее. Смирение? Принятие? Арен не знал, как назвать это, но он почувствовал, как внутри него что-то дрогнуло.

— Я устал, Арен, — сказал Бьорн. — Я устал бороться. Устал слышать его. Устал просыпаться и думать, что я не проснулся.

Он замолчал, и в его глазах блеснули слёзы — впервые за всё время, что Арен помнил.

— Прости меня, — сказал Бьорн. — Я должен был быть сильным. Я должен был защитить тебя. Я должен был...

Он не закончил. Он просто закрыл глаза и откинул голову к стене.

Арен сидел рядом, глядя на отца, и чувствовал, как внутри него разрастается что-то новое — не страх, не боль, а что-то похожее на решимость. Он знал, что не может позволить себе сомневаться. Если он начнёт сомневаться, они все погибнут.

— Я найду способ, — сказал он, не отводя глаз. — Я найду способ освободить тебя. Бьорн не ответил. Он просто сидел, закрыв глаза, и его дыхание было ровным.

Через час пещера была готова к выходу. Люди поднялись, проверили оружие, собрали вещи. Сигга взяла Эйнара за руку, и тот безропотно пошёл за ней. Он не смотрел по сторонам, не задавал вопросов — он просто шёл, держась за её руку, как за единственную нить, связывающую его с миром.

Арен обвёл взглядом всех, кто стоял у выхода — Эрн, Торкель, Эрик, женщины, старик. Сигга с ребёнком, Бьорн, который стоял чуть поодаль, держа меч у пояса. Все они смотрели на него. Все они ждали.

— Мы выходим, — сказал Арен. — Я пойду первым. Эрн покажет дорогу. Мы будем двигаться без остановок.

Сигга кашлянула. Арен посмотрел на неё.

— Без остановок? — переспросила она.

— Да, — сказал Арен, стараясь звучать увереннее, чем чувствовал. — Нам нужно как можно быстрее дойти до Моста Костей.

Сигга посмотрела на Эйнара, потом на Арена. Она ничего не сказала, но её взгляд говорил сам за себя. Арен замер. Он не подумал об этом. Он думал о врагах, о времени, о том, что за ними гонятся. Но он забыл о ребёнке.

— Ты права, — сказал он тихо, чувствуя, как внутри разрастается неловкость. — Я... я не подумал.

Сигга кивнула. Она не упрекнула его — она просто сказала:

— Мы будем идти быстрым шагом, но с привалами. Так мы удержим темп и сэкономим силы.

Арен посмотрел на неё с благодарностью. Она не дала ему упасть в собственных глазах. Она просто поправила его, и это было важнее любых слов.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда... тогда так и сделаем.

Он вышел из пещеры первым.

Утро встретило его холодным ветром и серым небом, в котором не было ни облачка — только дым, стелющийся по земле, как призрак того, что когда-то было. Арен сделал шаг, остановился и оглянулся.

Пещера, которая была их убежищем, теперь казалась маленькой, тёмной дырой в скале — ещё одной среди тысяч таких же, которые он видел на своём пути. Из неё выходили люди — один за другим. Эрн, Сигга с Эйнаром, Торкель, Эрик, остальные. Бьорн вышел последним. Он остановился у входа, посмотрел на уходящий отряд, и Арен заметил, как его губы шевельнулись — он снова говорил с кем-то невидимым.

— Не оглядывайся, — сказал Эрик, проходя мимо Арена. — Мы не вернёмся сюда.

Арен посмотрел на него. Эрик не улыбнулся, не усмехнулся — просто сказал это и пошёл дальше, сжимая в обожжённых руках котомку с припасами. Его слова прозвучали как приговор, но в них не было злобы — только усталость и принятие.

Арен задержался на мгновение, вдохнул воздух пещеры — влажный, каменный, пахнущий дымом и сыростью. Потом повернулся и пошёл за остальными.

Они шли по серой земле, под серым небом, и впереди был Мост Костей. А позади — пещера, в которой они оставляли свой страх.

Глава 5. «Пепельный волк»

Они шли уже несколько часов. Земля под ногами была всё той же — серой, сухой, покрытой трещинами, как старая кожа. Пепел оседал на одежде, смешивался с потом, и когда Арен дышал ртом, он чувствовал, как он скрипит на зубах. Солнце висело низко, бледное, сквозь дымку, и не грело — только освещало пустоту вокруг, делая её ещё более безжизненной.

Отряд растянулся в цепочку. Впереди шёл Эрн, опираясь на копьё, но держась бодро, несмотря на хромоту. За ним — Сигга с Эйнарм, который молча переставлял ноги и ни разу не пожаловался. Торкель и Эрик несли котомки, стараясь не отставать. Женщины и старик замыкали шествие. Бьорн шёл чуть позади всех, и Арен то и дело оглядывался, проверяя, там ли он.

Отец был там. Но его глаза смотрели в никуда, а пальцы на рукояти меча то сжимались, то разжимались — будто он считал что-то про себя, или боролся с кем-то невидимым внутри себя.

Арен хотел подойти к нему, сказать что-то ободряющее, но слова застревали в горле. Что он мог сказать? Что всё будет хорошо? Они оба знали, что это неправда. Он просто шёл дальше, стараясь держать меч наготове.

Где-то после полудня он заметил, что за ними кто-то следит.

— Эрн, — тихо сказал он, догоняя раненого капитана. — Сзади, слева. Что-то движется.

Эрн остановился, прищурился, всмотрелся в горизонт. Поля были пусты — только серая гладь до самых скал. Но Арен знал, что он не ошибся. Он видел, как тень скользнула между камнями, как метнулась и замерла.

— Может, ветер, — сказал Эрн, но в голосе его не было уверенности.

— Это не ветер, — сказал Арен.

И в этот момент они услышали низкое, протяжное рычание. Оно шло откуда-то снизу, из земли, из пепла. Оно было негромким, но оно проникало в грудь, заставляя сердце биться быстрее.

Арен выхватил меч. Все замерли.

Из серой пыли, как из воды, вынырнуло огромное тело. Пепельный волк. Он был выше Арена ростом, с длинной серой шерстью, свалывшейся в колтуны, с рёбрами, проступающими сквозь кожу, и с глазами — тускло-жёлтыми, горящими голодным огнём. Он смотрел не на Арена. Он смотрел на Эйнарм.

Арен почувствовал, как кровь застыла в жилах. Волк смотрел на ребёнка — на того, кто не мог защитить себя. И в этом взгляде не было ничего, кроме голода.

«Я не успею», — мелькнуло в голове. «Он слишком быстрый. Я не смогу добежать».

Но он уже рванул с места, даже не успев додумать эту мысль.

— Назад! — крикнул он, бросаясь между волком и Эйнарм.

Волк прыгнул. Арен встретил его мечом, но удар был слишком сильным — он отлетел в сторону, больно ударившись о камень. Меч выпал из руки и покатился по пеплу. Волк зарычал и развернулся к ребёнку.

— Эйнарм! — закричала Сигга, закрывая мальчика собой.

Арен вскочил, схватил меч, рванул вперёд. Он врезался в бок волка, как таран, и они оба покатались по пеплу. Арен чувствовал запах зверя — железо, грязь и что-то кислое, как старая кровь. Он ударил наотмашь, но клинок только скользнул по шкуре. Волк щёлкнул зубами рядом с его лицом, и Арен едва успел увернуться.

Боль в плече — там, где ещё не зажила рана от паука, — пронзила его, но он не обращал внимания. Он смотрел в жёлтые глаза зверя и видел в них голод, и холод, и что-то древнее, что не знало пощады.

Волк прижал его лапой к земле. Когти впились в доспех, и Арен услышал, как трещит кожа. Он не мог дышать. Он не мог двинуться.

— Арен! — крикнула Сигга. — Бей в шею!

Он вспомнил, как отец учил его на тренировках: «Волк — как человек. Только быстрее. У него нет брони — одна шкура. Бей в шею, под челюсть. Один удар — и он твой».

Арен собрал последние силы. Он дождался момента, когда волк снова бросился на него, и упал на спину. Волк навис над ним, открыв пасть, — и Арен всадил меч прямо в горло зверя.

По руке хлынула тёплая кровь. Волк захрипел, дёрнулся и затих.

Всё стихло.

Арен лежал на спине, тяжело дыша, и смотрел в серое небо. Волк лежал рядом, в луже чёрной крови, его жёлтые глаза уже ничего не видели. Рука горела, плечо пульсировало, но он не чувствовал боли — только пустоту, которая наступает после того, как страх отпускает.

Он слышал, как кто-то бежит к нему, как Сигга командует: «Отойдите, дайте воздух», как Торкель ругается сквозь зубы: «Вот это зверь...».

Через мгновение над ним появилось лицо Сигги.

— Дышишь? — спросила она.

— Дышу, — выдохнул Арен.

Она осмотрела его руку, промыла рану водой из фляги, перевязала чистой тряпкой. Её пальцы были сухими и тёплыми, и Арен чувствовал, как они двигаются уверенно, привычно.

Рядом стоял Эрн и смотрел на волка.

— Хороший удар, — сказал он. — Молодец.

Арен сел, опираясь на здоровую руку. Он посмотрел на волка — шкура серая, с серебряным отливом, которая теперь лежала неподвижно, как память о том, что только что произошло. Торкель уже подошёл к нему с ножом.

— Шкура пригодится, — сказал он, словно извиняясь. — Не пропадать же добру.

Арен кивнул. Ему было всё равно.

Он оглянулся, ища отца.

Бьорн стоял чуть поодаль, прислонившись к камню. Его меч был обнажён, но он не ударил. Он стоял и смотрел в пустоту, шевеля губами. Он говорил с кем-то невидимым.

Арен встал, подошёл к отцу. Бьорн вздрогнул, когда он коснулся его плеча, и повернулся. В его глазах мелькнул страх — не перед врагом, а перед тем, что он не смог помочь.

— Отец, — сказал Арен тихо. — Мы справились.

Бьорн медленно повернул голову. Его глаза были мутными, но он узнал сына.

— Я слышал его, — сказал он. — Он говорил: «Оставь его. Он справится и без тебя».

— Я справился, — сказал Арен. — Но ты был здесь. Ты был рядом.

Бьорн посмотрел на него, и в его глазах мелькнуло что-то тёплое. Он не сказал ничего, но положил руку на плечо Арена — и это было красноречивее любых слов.

— Я пытался, — сказал Бьорн, и голос его дрогнул. — Я хотел шагнуть вперёд. Но ноги не слушались. Голос сказал: «Ты не нужен. Ты всегда был лишним». И я... я не смог.

Арен сжал его руку.

— Но ты не ушёл, — сказал он. — Ты остался. Ты стоял здесь. Это тоже борьба.

Бьорн не ответил. Он опустил глаза, и Арен увидел, как его плечи снова сжались — голос вернулся, и он снова сражался с ним внутри себя.

Отряд двинулся дальше. Торкель нёс волчью шкуру, свёрнутую в рулон, на плече. Эрн проверял дорогу. Сигга успокаивала Эйнара, глядя его по голове. Женщины перешёптывались между собой, и их голоса были полны страха, который они не могли скрыть.

Арен шёл впереди всех, сжимая в руке меч. Рука болела, плечо горело, но он не жаловался. Он знал: теперь он не просто мальчишка, который нёс меч за отцом. Он — тот, кто может защитить.

Но он также знал, что каждый раз, когда он смотрит на отца, он видит не только усталость — он видит, как Бьорн медленно угасает. И это было тяжелее, чем любая рана.

Впереди, на горизонте, он увидел чёрную линию скал, между которыми, как мост, висело что-то тёмное. Он не знал, что это такое, но он чувствовал — это Мост Костей.

Они шли. Ветер нёс пепел.

Глава 6. «Серебряная рыба»

Они вышли к реке к вечеру.

Река Гримр была широкой, но мелкой — вода блестела на солнце, переливаясь серебром, и казалась почти прозрачной. Арен никогда не видел так много воды сразу. Он остановился на берегу и просто смотрел, как она течёт, не останавливаясь, не спрашивая разрешения у пепла. Вода была живой. Она не знала, что такое война.

Он стоял неподвижно, вглядываясь в её течение, и чувствовал, как внутри него что-то отпускает. Боль в плече оставалась, усталость никуда не ушла, но впервые за много дней он мог просто стоять и смотреть — и не ждать, что из темноты выпрыгнет смерть.

— Серебряная рыба, — сказал Эрн, подходя к нему. — Здесь их много. Если кто умеет ловить — будет ужин.

Арен оглянулся на отряд. Люди сидели на камнях, снимали обувь, растирали ноги. Сигга усадила Эйнара на плоский камень и расчёсывала ему волосы пальцами, медленно, терпеливо, будто это был ритуал, который возвращал мальчика к жизни. Торкель и Эрик разводили костёр из сухих веток, которые нашли по пути. Женщины собирали что-то съедобное на берегу. Старик, чьё имя Арен всё ещё не знал, сидел у воды и смотрел на неё так, будто видел впервые — не как на воду, а как на чудо.

— Я умею ловить, — сказал Арен. — Отец учил.

— Тогда покажи, — усмехнулся Эрн. — А я пока полежу. Нога болит.

Он опустился на траву, вытянул ногу, и Арен заметил, как он поморщился, когда сустав шевельнулся.

Арен разулся, закатал штаны и вошёл в воду. Она была холодной — настолько, что дыхание перехватило, и по телу пробежала дрожь. Он стоял неподвижно, чувствуя, как течение оmyвает его ноги, как холод проникает в уставшие мышцы, и ждал. Вода была прозрачной, и он видел, как под камнями скользят тени — быстрые, серебряные, неуловимые.

Когда одна из них проплыла мимо, он резко нагнулся, сунул руки в воду и вытащил рыбу — длинную, с гладкой чешуёй, трепещущую в пальцах. Она извивалась, мокрая и живая, и Арен почувствовал, как в груди поднимается что-то простое и настоящее — не надежда, не страх, а просто удовольствие от того, что он сделал это правильно.

— А ты ловок, — сказал Торкель, глядя на него с берега.

— Отец учил, — повторил Арен, чувствуя гордость, которая была невесомой и лёгкой, как воздух. Он бросил рыбу на траву. — Ещё поймаю.

Он вытащил ещё две рыбы, прежде чем вышел из воды. Его ноги заледенели, но внутри было тепло.

Через час у костра уже жарилась рыба. Запах был таким сильным, что у Арена заурчало в животе. Он сидел на камне, сжимая в руках горячую рыбину, и смотрел, как вокруг него сидят люди. Они улыбались, ели, переговаривались. Впервые за много дней он чувствовал себя почти как дома.

Сигга села рядом с ним, протянула ему кусок хлеба.

— Откуда хлеб? — удивился Арен.

— Торкель нёс, — сказала она. — Он сказал: «Если я донесу хлеб до реки, значит, мы выживем».

— Он донёс.

— Значит, мы выживем, — повторила Сигга.

Она говорила это просто, без пафоса, и в этом было больше веры, чем в любых клятвах.

Они сидели молча, глядя на огонь. Вокруг них мирно трещал костёр, тихо переговаривались люди. Арен впервые не слышал криков, скрежета железа, запаха смерти. Он слышал только воду и чей-то смех.

Рядом с ним сел Эрн. Он посмотрел на костёр, потом на Арена.

— Ты знаешь, почему я пошёл с вами? — спросил он негромко.

— Я думал, ты хочешь добраться до крепости, — сказал Арен.

— Это тоже, — сказал Эрн. — Но главное — я хотел понять, кто ты. Сначала я думал, что ты просто мальчишка, который хочет спасти отца. Но сейчас я вижу — ты не просто мальчишка. Ты ведёшь нас. Не по карте, не по приказу — а потому что кто-то должен.

Арен хотел возразить, но Эрн поднял руку.

— Я не говорю это как похвалу. Я говорю это как факт. Ты спросишь меня, почему я так говорю. Потому что я видел командиров, которые не умели вести. И я видел тех, кто умел. Ты — не первый, но ты — один из них. Ты принимаешь решения, даже когда они могут быть неправильными. Это и есть лидерство.

— Я не хочу быть лидером, — сказал Арен тихо.

— Никто не хочет, — ответил Эрн. — Лидером становятся, потому что больше некому.

Он замолчал, глядя на огонь, и Арен не стал его перебивать. Он смотрел на своих спутников, на их лица, на их руки, на их усталость и маленькие улыбки — и чувствовал, как внутри него вырастает что-то тяжёлое и тёплое одновременно. Он не знал, как это назвать, но оно было здесь, в груди, и оно не собиралось уходить.

— Расскажи мне о Храме, — попросил Арен, поворачиваясь к Сигге. — Что ты там делала?

Сигга помолчала, глядя в огонь. Её лицо стало серьёзным, и Арен увидел в нём ту же усталость, что и у отца, но другую — глубокую, как старый колодец, в котором не видно дна.

— Я была служанкой, — сказала она. — Я вырезала имена на камнях. Сначала просто буквы, потом целые имена. Я знала каждого, кто уходил в Тишину. Я держала их в руках, пока они не становились частью камня.

Она протянула руку к своей котомке и достала оттуда небольшой обломок старого камня — серого, шершавого, с вырезанным на нём именем. Она держала его на ладони, и её пальцы гладили края, будто она делала это тысячи раз.

— Ты спрашивал, что я делала в Храме, — сказала она, не глядя на Арена. — Я вырезала это имя. Когда-то это был мой сын. Ему было семь. Я вырезала его сама. И знаешь, что я помню? Не его лицо. Я помню, как камень был холодным, а мои руки дрожали. Я помню, как я боялась, что имя не поместится. Что я сделаю ошибку. Что он исчезнет навсегда.

Арен молчал. Он не знал, что сказать. Он посмотрел на камень — на его шершавую поверхность, на вырезанные буквы, которые держали чью-то жизнь.

— Это тяжело? — спросил он наконец.

— Это честь, — сказала Сигга, и её голос дрогнул. — Но тяжёлая честь. Когда ты вырезаешь имя, ты забираешь кусочек боли человека, который остался в живых. Ты должен быть сильным, чтобы не заплакать. Я плакала. Каждый раз.

Она замолчала. Потом убрала камень обратно в котомку и посмотрела на огонь.

— Я отдала часть своей памяти, чтобы замедлить эхо, — сказала она. — Но я не отдала его имя. Оно всё ещё здесь. Оно всё ещё со мной.

Арен посмотрел на свою руку, на медную цепочку.

— Моя мать тоже могла бы вырезать имена, — сказал он. — Она была из гор.

— Медь не ржавеет, — сказала Сигга. — Как память. Когда ты носишь медь, ты носишь память о том, кто тебя любил.

Они замолчали. Костерок трещал, дым уходил в небо. Арен смотрел на огонь и чувствовал, как слова Сигги впадают в него, как заноза — но не больно, а скорее согревая. Он сжал

браслет матери и почувствовал, как его тепло смешивается с её голосом, который он помнил с детства.

К ним подошёл Эйнар.

Он стоял у костра и смотрел на Арена. Он не подходил ближе — просто стоял, сжимая в кулаке что-то маленькое. Его глаза были большими, пустыми, но в них мелькал свет, которого не было раньше.

Сигга заметила его и замерла. Она хотела позвать его, но не решилась.

Эйнар сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Он подошёл к Арену и протянул ему руку — разжал пальцы. На ладони лежал гладкий камень, отполированный водой до блеска.

Арен посмотрел на камень, потом на мальчика.

— Это мне? — спросил он тихо.

Эйнар кивнул. Он смотрел на Арена в упор, не отводя взгляда. Его губы дрогнули, и он сказал:

— Ты сильный.

Голос был тихим, почти шёпотом. Но в тишине у костра он прозвучал как удар.

Все замерли. Сигга прижала руку к губам. Торкель поднял голову. Эрн перестал дышать.

Эйнар смотрел на Арена, и его глаза были полны чего-то, что нельзя было назвать страхом. Это была надежда.

— Ты сильный, — повторил он. — Я видел.

Арен сжал камень в руке. Он не знал, что сказать. Он просто смотрел на мальчика и чувствовал, как внутри него что-то переворачивается — что-то, что он не мог назвать, но что было важнее всех битв, которые он выиграл.

— Спасибо, — сказал он наконец.

Эйнар кивнул и отошёл обратно к Сигге. Он сел рядом с ней, положил голову ей на колени и закрыл глаза.

Он не сказал больше ни слова до самого утра.

Солнце садилось. На горизонте чернели скалы Моста Костей. А у костра пахло рыбой, хлебом и надеждой.

Глава 7. «Мост Костей»

К Мосту они вышли на второй день пути, когда солнце уже клонилось к закату. Он появился не сразу — сначала просто чёрная линия на горизонте, потом тень, потом громада, нависшая над ущельем. Арен остановился и поднял голову.

Мост был огромен. Он был сложен из чёрного камня, такого старого, что время почти стёрло с него все следы. По бокам высились изломанные колонны, похожие на рёбра гигантского зверя. Ветер гудел между ними, и Арену показалось, что он слышит голоса — не голос отца, не эхо Хагена, а что-то другое, древнее. Тысячи голосов, которые шептали одновременно, но ни одного слова нельзя было разобрать.

Он стоял на краю, и его тело напряглось. Голоса проникали в уши, но не звуком — тяжестью, будто воздух стал плотным, как вода. Арен чувствовал, как они касаются его, скользят по коже, оставляя после себя холод.

— Мост Костей, — сказал Эрн, подходя к нему. — Когда-то здесь был город. Теперь — только камень и ветер.

— Почему его так называют? — спросил Арен, не сводя глаз с чёрной арки.

— Потому что под ним — кости, — сказал Торкель, подходя ближе. — В древности здесь сражались тысячи воинов. Те, кто пал, остались здесь навсегда. Их кости до сих пор лежат на дне ущелья.

Арен посмотрел вниз. Ущелье было глубоким, тёмным, и на дне его не было видно ничего — только туман, который клубился внизу, скрывая всё, что когда-то там упало. Ему показалось, что туман движется — не от ветра, а как будто дышит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.